

Евгений Деменок

Высшая лига

И одесских куплетов я не сочинял,
Рок-н-ролл для меня был началом начал.
Игорь Ганькевич

Когда нам с Веней исполнилось четырнадцать, наши музыкальные вкусы оформились окончательно.

Только рок, никакой попсы.

Он предпочитал хэви-метал, я склонялся к харду. У каждого были свои любимцы – у него Iron Maiden и Judas Priest, у меня Deep Purple и Led Zeppelin. У него Metallica и Slayer, у меня Accept и Motley Crue. Это не значит, что мы слушали только их. Мы слушали все – от Beatles и Animals, Дэвида Боуи и Marillion до Megadeth и Anthrax. Время было такое.

Веня – вообще-то, он просил для крутизны называть себя Вена – пришел в нашу школу довольно поздно, кажется, в шестом классе, и мы очень скоро оказались с ним за одной партой. До этого я делил парту с Анжелой Колесник, Валерой Жуком и уже не помню, с кем еще, но все это было так, несерьезно. С Веней все было по-другому. Во-первых, мы были с ним очень похожи – он родился всего на пять дней позже меня, в день рождения Dio, чем страшно гордился. Во-вторых, он точно так же любил ржать на уроках и хулиганить на переменах. Но самое главное – у нас было общее увлечение. Рок. Именно он, а не учеба, занимал все наши мысли три последних школьных года.

На этом наша схожесть заканчивалась. Дальше начинались различия. Я был отличником; Веня тоже учился старательно –

всегда старался исправить двойку на тройку. Я рос в семье «интеллигентской прослойки» – папа работал конструктором на заводе, мама – начальником концертного отдела в филармонии. Дальше Болгарии и Чехословакии мои родители выбраться не могли; Венин отчим был довольно высокопоставленным чиновником Внешторга и работал в Финляндии, а папа его, с которым он продолжал общаться и после развода родителей, вообще работал в КГБ. У меня дома стоял старенький проигрыватель «Аккорд», игла которого часто портила пластинки, и переносной кассетник «Весна» – дедушка подарил мне его за отличное окончание седьмого класса. У Вени дома был проигрыватель «Technics» и кассетная дека «Маяк» – мечта всех советских меломанов.

Но все эти различия не имели в те годы никакого значения. Да и сейчас бы не имели.

Каждое лето Веня уезжал к родителям в Финляндию. Все свободное время он проводил там в музыкальных магазинах, занимаясь важнейшим делом – заполнением священной тетрадки меломана. В толстую общую тетрадь переписывались названия всех альбомов любимых групп, под ними – названия всех песен, состав группы, обязательно авторство каждой песни. Следовало тщательно перерисовать уникальный шрифт названия группы, потому что рок – это не дешевая попса, и каждый уважающий себя коллектив уделял огромное внимание оформлению обложек. Да, еще желательно было хотя бы схематично набросать в тетрадке сам рисунок обложки – тогда картина была законченной, и можно было с чистой совестью приступить к работе над следующим альбомом.

Все это потом тщательно изучалось и запоминалось.

В общем, английский мы выучили благодаря року.

В конце августа со всем этим богатством Веня возвращался в Одессу. Я всегда ждал его с нетерпением – мне нужно было заполнять свои тетрадки; скудной информации, которую я черпал о рок-группах из журналов «Ровесник» и рассказов друзей, не хватало. Веня же черпал прямо из первоисточника. Бывал в закромах.

Вы спросите, зачем нужно было все это переписывать и перерисовывать, если альбомы можно было просто купить? Разумеется, можно, но не в Советском Союзе, где монополист, фирма

«Мелодия», и думать не могла о том, чтобы выпустить альбом какой-нибудь «Железной девы». Хорошо, но почему же нельзя было купить их в свободной Финляндии? Наивный вопрос. Во-первых, каждый год выходило несколько сотен новых альбомов рок-групп, и стоили пластинки недешево. Во-вторых, Венины родители вовсе не поощряли странные увлечения своего отпрыска.

Любимую музыку приходилось искать в Одессе.

Начало восьмидесятых было временем расцвета металла. Он был тогда на пике моды. Конечно, не только он – большинство как раз слушало в те годы Modern Talking и прочих Сабрин, лишь иногда имитируя любовь к металлу – для крутизны. Так что мы были в меньшинстве. Мы были элитой – по крайней мере, так нам хотелось думать. И если диско и попсу можно было найти чуть ли не на каждом углу, за «нашей» музыкой нам приходилось ездить по всему городу.

Поиск был азартным занятием. Телефоны и адреса тех, у кого можно было достать новый альбом Accept или Judas Priest, были на вес золота.

О фирменных пластинках мы долго не могли и мечтать. Кассеты спасали нас. Кассеты, которые тоже приходилось искать по всему городу.

И все равно это было удовольствием. Покупая кассету, ты сразу приобщался к мировой музыкальной индустрии, к западным ценностям, к чему-то недосыгаемому, но очень хорошему.

Каждый уважающий себя пацан знал, какие кассеты нужно покупать. BASF и Maxell были на вершине пирамиды. Особенно с хромовой пленкой. За ними шли TDK, SONY, Denon и AGFA. После них – все остальные импортные. Ни в коем случае нельзя было покупать отечественные МК-60. Они сыпались, пачкали головку магнитофона, легко зажевывались. Единственное их преимущество было в том, что они были дешевыми. Но поговорка о том, что скупой платит дважды, оправдывалась в этом случае сполна.

Все импортные кассеты стоили по девять рублей. Немало для человека, который получал в месяц сто двадцать, как моя мама, например. Для школьника – тем более. К счастью, подарки от родственников никто не отменял, плюс экономия на завтраках – в общем, мы умудрялись покупать по кассете в месяц.

Следующим шагом была запись. Происходило все так. Сначала ты узнавал, у кого в городе есть, к примеру, двойной концертный альбом Led Zeppelin «The Song Remains the Same». Звонил ему вечером – обычно только вечером можно было застать человека дома, если у него вообще был телефон. Договаривался о встрече – в центре или на проспекте Шевченко, или нужно было ехать на Черемушки: тут все зависело от хозяина записи. Приезжал на встречу со своей чистой кассетой, отдавал ее и три-четыре рубля в придачу. Через несколько дней за ней можно было приезжать.

За полтора рубля можно было взять кассету с записью и переписать ее самостоятельно. В этом случае я брал свою «Весну», шнур для записи и ехал к Вене на Сегедскую.

Веня жил с бабушкой и дедушкой в двухкомнатной квартире в большой «сталинке», которая образовывала целый двор и заполняла собой пространство от Фонтанской дороги до Сегедской. Жили в этой «сталинке» в основном моряки, и остальные могли только мечтать о таких квартирах с высокими потолками и большими комнатами. Не знаю, чем занимались бабушка с дедушкой, но дома их часто не бывало, и мы отрывались по полной – так, как представляли себе такой отрыв советские восьмиклассники. Конечно, мы курили на балконе. Потихоньку пробовали спиртное, стоявшее в холодильнике. Играли в теннис на паркетном полу – вместо настольного у нас был напольный, вместо сетки – книги.

Все изменилось после того, как мы открыли для себя мир рок-музыки.

Теперь мы слушали музыку и кайфовали.

Так прошло полгода. Все было прекрасно, если бы не одно «но».

Нам очень хотелось иметь свою собственную пластинку.

Покупка пластинки представлялась чем-то совершенно невероятным. Фирменная немецкая или английская пластинка стоила пятьдесят рублей. «Юговская», то есть югославская, – двадцать пять, но серьезные меломаны их не любили. Звук не тот, много «песка».

В Одессе было одно-единственное место, где можно было пластинку купить, и называлось оно «сходка». К моменту нашего вхождения в серьезную музыку сходка собиралась по воскресеньям

на 8-й станции Большого Фонтана, в скверике у моря. Мы съездили туда пару раз, но, гуляя по сходке с пустыми руками, чувствовали себя полными ничтожествами. Настоящие меломаны носили подмышкой и в сумках целые пачки «пластов», от названий и обложек которых у нас захватывало дух.

Выход был один – во что бы то ни стало скопить деньги на свою пластинку.

Мы должны были попасть в высшую лигу.

Нужен был стимул, и мы нашли его. Мы торжественно поклялись друг другу в том, что каждый соберет за месяц двадцать пять рублей.

А если кто-то не соберет, другой даст ему поджопник. Прилюдно, при всем классе, среди бела дня.

Разумеется, такой позор нельзя было вынести, и мы начали забег.

Все средства были хороши.

Но где же мог достать такие деньги восьмиклассник в 1984 году?

Первое, что пришло мне в голову, – собирать пустые бутылки и сдавать их.

Веня вызвался помочь.

К сожалению, у нас не было ни гаража, ни сарая, куда можно было прятать добычу, накапливать ее. Оставался балкон.

Через неделю дня мама заметила бутылки.

Поднялся скандал.

– Как тебе не стыдно тащить эту грязь домой? И где ты их находишь? Копаешься в мусорниках, как бомжи и алкоголики? Ты ж из приличной семьи!

Слово «бомж» уже было тогда в ходу.

– Нет, конечно, мы не бродяги и не алкоголики, – ответил я ей. – Но ничего постыдного в сборе пустых бутылок я не вижу. В конце концов, вы же посылаете меня сдавать бутылки, которые скопились дома? Да и как иначе собрать на пластинку?

Эффекта мои слова не возымели. Бутылки пришлось отнести к мусорным бакам. Но пять рублей мама мне все же дала.

Оставался дедушка. Дедушка никогда не подводил. Выслушав мой рассказ, он молча открыл кошелек и протянул мне две десятки.

Не знаю, как и где собирал деньги Веня, но через две недели у нас уже была нужная сумма.

Обошлось без поджопников.

То воскресенье я помню до сих пор. Было солнечное зимнее утро, и мы ехали на 17-м трамвае на сходку. Ехали не просто поглазеть. Купить.

От обилия выбора рябило в глазах, но думать нужно было быстро – сходку часто разгоняли менты. У всех был свой маршрут отхода, и «пласты» упаковывались в сумки за считанные секунды.

С другой стороны, мы хотели купить что-то новое, из того, что мы еще не слушали. А это требовало тщательного обдумывания. Кроме того, пластинку нужно было внимательно рассмотреть – нет ли на ней царапин, жирных пятен от пальцев, в каком состоянии обложка. Попробовать на зуб, в общем.

В итоге первой нашей покупкой стал альбом «Stay Hungry» американцев Twisted Sister. Это был их лучший альбом. По-моему, каждый уважающий себя человек должен знать как минимум две песни из него: «I Wanna Rock» и «We're Not Gonna Take It».

Торжеству нашему не было предела. Взяв пластинку в руки нарочито небрежно, но так, чтобы она бросалась в глаза каждому, мы сделали несколько кругов по сходке – благо в тот день облавы не было. Носили ее по очереди, чтобы нас запомнили и признали. Поняли, что мы не просто залетная шелупонь. Поняли, что мы серьезные меломаны с деньгами.

Обратно к трамваю неслись, как на крыльях. Ехали к Вене – у него как раз никого не было дома.

Остановки были слишком длинными, а трамвай, казалось, ехал нарочно слишком медленно. Седьмая, Петршевского, шестая, пятая, четвертая... Они что, нарочно так медленно ездят по воскресеньям?

Наконец Армейская.

Мы у Вени дома. Врубаем «Technics» на полную громкость. Жаль, выпить нельзя – дедушка с бабушкой предусмотрительно спрятали все спиртное.

Конечно, мы перекатали концерт себе на кассеты. Не помню уже, заработали ли мы на нем, – кажется, желающие записать его с пластинки все же нашлись.

В следующее воскресенье на сходку ехали уже совсем другие люди. Серьезные, опытные, искушенные.

Теперь нам нужно было поменять свою пластинку на другую. Задача стояла та же – найти что-то новое, интересное, не уронив при этом планку.

Мы почему-то решили, что «Walkin' the Razor's Edge» канадской группы Helix того же 1984 года – равноценная замена Twisted Sister. Обложка была яркой, группа была на слуху, но дома выяснилось, что это шаг не в ту сторону. Слишком много глэма и очень близко к попсе. И это несмотря на то, что альбом стал лучшим у Helix, а заглавная песня «Rock You» стала их лучшей песней.

Наверное, наше отношение к альбому изменилось бы в лучшую сторону, знай мы тогда, что на песню «Gimme Gimme Good Lovin'» снят клип, в котором сыграли топлес множество красивых девушек, одной из которых была легендарная порнозвезда Трейси Лордз... Но за железный занавес ничего такого попасть, конечно, не могло.

Разочарованные, поехали мы в следующее воскресенье на сходку. Нам нужно было избавиться от неудачной пластинки.

Убедить других тусующихся на сходке коллекционеров в том, что Helix – это круто, было непросто. Они тоже не видели клип с Трейси Лордз. На переговоры ушло несколько недель. И вот – удача. Нам предложили на обмен «Iron Fist» – знаменитый концерт Motörhead. Это был бесприоритетный вариант. И пусть альбом был двухлетней давности, но Motörhead любили все. Ну, почти все.

Жизнь налаживалась.

И только когда мы приехали к Вене, мы поняли, какую ошибку совершили.

Пластинка была югославской.

Нет, звучала она еще неплохо.

Но это был приговор.

Как мы не увидели этого на сходке? Что сказать – мальчишки!

Теперь только чудо могло спасти нас.

Это чудо произошло в одно дождливое весеннее воскресенье. Мужчина, которого мы никогда раньше на сходке не видели, но у которого в сумке было с три десятка пластов, заинтересовался нашим «Железным кулаком».

В обмен он предложил AC/DC. Я всегда был и остаюсь фанатом австралийцев. Веня тоже.

Альбом производил серьезное впечатление.

Абсолютно черная обложка, и только надпись готическими буквами: «Black Coat». Сзади – список песен. Все строго, красиво и лаконично. Альбом 1981 года.

Мы знали наизусть все альбомы AC/DC, мало того – названия всех песен со всех альбомов. О «Black Coat» мы никогда ничего не слышали.

– Это редчайший альбом. Коллекционный. Выпущен малым тиражом, потому вы о нем и не слышали, – сказал мужчина, которого мы до этого никогда не видели.

Дождь усиливался. Надо было решаться. И мы решились.

В тот день бабушка с дедушкой были дома. Пришлось отложить праздник прослушивания новой пластинки до понедельника.

Мы с трудом сдерживали свое нетерпение. В понедельник после третьего урока мы сбежали из школы и поехали к Вене домой.

Тщательно вымыли и вытерли руки – пластинку ни в коем случае нельзя было «залапать». Включили проигрыватель. Опустили иголку.

И...

Из колонок зазвучала София Ротару.

Сказать, что мы были ошеломлены – ничего не сказать.

– Давай послушаем другую сторону? – предложил я Вене.

На что я надеялся – непонятно.

Конечно, там тоже была Ротару.

Нас жестоко обманули. Уже потом, на следующих сходках, мы пытались разузнать, что это за человек и откуда он. Опытные люди сказали нам, что иногда на сходку приезжают «залетные» кидалы из Кишинева.

Но это было потом, а пока мы стали внимательно рассматривать пластинку.

Это было чудо каллиграфии.

Конверт был сделан и раскрашен вручную, все надписи сделаны тушью, идеально ровно. «Яблоки» на пластинке тоже были вырезаны вручную – лишь пристально присмотревшись,

мы увидели крошечные неровности, они не были идеально круглыми. Названия песен на них тоже были написаны тушью, тончайшим пером. Оформлением явно занимался художник.

В общем, это был шедевр – не музыкальный, но графический.

Тогда мы этого, конечно, не оценили.

Это был крах. Конечно, ни на что уже эту подделку мы поменять не могли.

Высшая лига, в которую мы с таким трудом попали, стремительно удалялась от нас.

Но... На сходке нас уже знали. И стали давать нам пластинки «в обкатку» – для записи на кассеты. Стоило это, конечно же, дорого – пять рублей в день.

Но это было уже неважно. Важно, что мы были в игре.

Сходку по-прежнему гоняли менты. В 1986-м мы перешли на 12-ю Фонтана, но это было временным решением – каждое воскресенье толпа коллекционеров и меломанов мигрировала между 8-й, 9-й и 12-й станциями. Помню одно летнее воскресенье – мы приехали на трамвае на 12-ю, откуда открывался прекрасный вид на море, и быстро нашли своих. Невысокие оливковые деревья и редкие тополя, растущие на склонах, не могли скрыть толпу, резко выделяющуюся своим внешним видом – тогда уже вошли в моду кожаные куртки с заклепками, кожаные джинсы и банданы. В общем, милиционеры легко вычисляли нас.

– Шухер, менты! – слышим мы со всех сторон. Бежим вместе со всеми в сторону десятой, там – через санаторий – к трамваю.

Никто не хотел попасть в отделение и лишиться пластинок. Спекуляция, прослушивание запрещенной музыки – все это сразу рисовалось в воображении. А еще – коронная фраза нашей классной руководительницы Люсьетты Давидовны:

– Я вам такую характеристику напишу – ни в один институт не примут!

В 87-м году сходка перебазировалась в парк Ленина. Мы бродили меж деревьев по искусственным островкам, насыпанным когда-то в прудах, и обменивались музыкальными новостями. Чувствовали мы себя с Веней уже гораздо увереннее. Во-первых, оба к тому времени учились в институте, и никакая плохая харак-

теристика не могла уже испортить нашей репутации. Во-вторых, мы уже ориентировались в музыкальном мире, как рыбы в воде.

Да и все остальные тоже возмужали. У каждого сформировались свои пристрастия. Кто-то уходил в «тяжесть», как Веня, – он слушал теперь только трэш и спид-метал. Кто-то слушал старый добрый хард. Помню мужчину лет пятидесяти, который любил только Kiss и часами мог рассказывать о том, какие они великие.

Мои музыкальные пристрастия тоже менялись. Я увлекся Дэвидом Боуи и часами слушал «Space Oddity». Кумирами для меня стали Lorie Anderson и Marillion. Потом – Dire Straits и Genesis. Все текло, все изменялось.

Мигрировала и сходка. В 1987-м она уже собиралась в Аркадии, в «тарелке» – там был потом ночной клуб «Космо». Позже она «переехала» в центр города, в клуб «Ретро». Там был уже платный вход, и пластинки контролировали по списку.

Помните этот список? Он появился в самом начале 1985 года и к нам попал в виде копии письма некоего Гришина, секретаря Николаевского обкома комсомола. В списке были все наши любимые группы, и против названия каждой – причина, по которой их нельзя слушать. Например, у AC/DC это были «неофашизм» и «насилие», у Iron Maiden – «насилие» и «религиозное мракобесие», у Judas Priest – «антикоммунизм» и «расизм», и даже тишайшие Pink Floyd провинились тем, что в своей песне «Get Your Filthy Hands Off My Desert!» с альбома «The Final Cut» спели такие строки:

Brezhnev took Afghanistan.
Begin took Beirut.
Galtieri took the Union Jack.

Конечно, ни израильский премьер Менахем Бегин, ни аргентинский диктатор Леопольдо Фортунато Гальтьери наших чиновников от искусства не волновали. А вот за Леонида Ильича им было обидно.

Мы долго смеялись над тем, что в списке оказались Хулио Иглесиас и Тина Тернер – он за «неофашизм», она за «секс».

В общем, войти со всеми этими пластинками в длинный, со сводчатыми потолками подвал клуба «Ретро» было нельзя. Поэтому основная часть сходки продолжала ходить в парк Ленина.

Там было свободнее.

Два Ильича, а какая разница!

В год окончания нами школы – в 1986-м, – произошло событие, значение которого невозможно переоценить. Событие, без преувеличения, планетарного масштаба.

Официально открылся Одесский рок-клуб.

На первом концерте играли «Бастион», «Монте-Кристо», «Акцент», «Портрет и Галстук», «Каменная терраса», «Дизайн», «Королевство кривых зеркал», «Серпантин», «Кроссворд» и «Провинция».

Теперь мы ездили в разные точки города и часами стояли в толпе таких же фанатов, чтобы попасть на концерты. Чаще всего концерты проходили в клубе при заводе имени Дзержинского на Водопроводной, прямо напротив Чумки. Немного реже – в Портклубе на Ланжероновском спуске.

Интересы наши и тут разошлись – Веня любил больше всего «Кратер» и «Монте-Кристо», я – «Провинцию» и появившихся позже «Детей на траве» Стаса Подлипского. Теперь мы искали и их записи – естественно, на кассетах, о записи на пластинку никто из одесских музыкантов не мог тогда и мечтать.

В 1989 году сходка переехала в скверик на Среднефонтанской, к кафе «Сегед». На новом месте она продержалась три года. Начало 90-х – время расцвета рэкета; не обошел он стороной и сходку. Когда рэкетеры стали совсем уж серьезно «бомбить» меломанов, те сбежали во Дворец студентов, на Маразлиевскую. А в 99-м по вызову соседей на сходку приехали менты, и она перебазировалась в парк Шевченко, через дорогу.

Там она находится и сейчас.

Я серьезно увлекался музыкой лет до двадцати восьми, меняя свои пристрастия довольно часто – от хард-рока к арту, блюзу и джазу. После распада рок-клуба в 1990-м на сходку я уже не ходил. Сначала на рынках, а потом в магазинах появились отделы с музыкой и видео – на кассетах, а потом на дисках.

Веня ходит на сходку до сих пор, хотя давно уже стал капитаном и может покупать себе любые диски в любой стране мира; с ним – целая группа таких же ветеранов рок-движения в Одессе. Как правило, никто ничего не покупает, но все приходят с пачками пластинок подмышкой. Первая половина воскресенья проходит за воспоминаниями о днях бурной и счастливой молодости и обсуждением новых альбомов групп, музыканты которых стараются вместе со слушателями. Воспоминаниям способствуют выпитая кстати рюмка водки или бутылка пива. И, конечно, никакая милиция никого уже не гоняет.

Собственно, ее давно уже и нет.

